

С отцом на охоте

Пётр Михайлович Пришвин (1909—1987) родился в Петрограде. В 1927 году окончил школу-девятилетку, в 1929 году — курсы Всеохотсоюза. Работал охотоведом в Западной Сибири. В 1937 году окончил Московский зоотехнический институт. Работал зоотехником в 1-м Пушкинском зверосовхозе. С 1949 года — заведующий Заболотским охотничьим хозяйством. Был постоянным спутником отца, писателя М. М. Пришвина, в его охотничьих и природоведческих путешествиях.

с. 98

На рассвете мы с отцом и гончаком по кличке Соловей вышли на охоту. В трёх километрах от Костино Соловей взял лису. Лиса оказалась не местная и стала уходить в знакомые ей места километров за 15—20, но пока мы по следам приблизились к ним, она устала и спряталась в нору. Замерзшую нору Соловей не смог раскопать, поднял зайца и продолжал гон, мы же с отцом думали, что он продолжает гнать лису... Уже в сумерках я увидел бегущего зайца и выстрелил. Заряд пробил трухлявую берёзу и всё же достал его. Прокричав условленное: «Готов!», я услышал торжествующе-радостный крик отца совсем близко. Преодолевая страшную усталость, он бежал ко мне весь сияющий. Увидев вместо лисы зайца, сразу помрачнел и разбранил меня: «Зачем стрелял?» В этот момент появился Соловей, кинулся к убитому зайцу и стал его трепать...

Тогда же, во второй половине 20-х годов, брат Лёва охотился уже реже — его отвлекал писательский зуд. Однажды он пошёл с нами на зайца. Тогда ещё приехал редактор охотничьего журнала для проверки правдивости рассказов отца. Были такие задания! Встав далеко до солнца, в полной темноте, мы взяли на сворку Соловья и отправились вёрст за двенадцать к торфяному болоту Воргаш, где держались зайцы-беляки. На ходу мы не почувствовали силу январского мороза, когда же к рассвету он ещё более усилился и в лесу раздался громкие «выстрелы» трескающихся от стужи деревьев, поняли наше положение (потом узнали: минус 33°). Но уже поздно было что-то менять, так как Соловья спустили, а вернуть его со следа невозможно.

Он так гамкнул, что сразу заполнил тишину морозного пространства, начал добор по свежему следу и вскоре погнался. Мы разбрелись подстаивать зайца и уже весь день не видели друг друга. Мороз же всё усиливался, деревья «стреляли», оттого заяц бросался из стороны в сторону и подстоять его никак не удавалось. И сами мы портили дело: скрип шагов на сильном морозе тоже был далеко слышен и отпугивал зайца. Стоять же без движения тоже было невозможно, всё тело и душа, казалось, промерзли насквозь. Ружьё без рукавиц не продержишь, значит, увидев зайца, окажешься неготовым к выстрелу. Правда, голь на выдумки хитра, отец придумал средство для повышения боевой готовности: привязывал рукавицы к резинке, висящей на шее, как это делают для детей, и тогда можно было резким движением сбрасывать рукавицу с правой руки. Мать шила нам рукавицы для охоты специально посвободнее.

На этот раз мне придумка помогла. Заяц внезапно выскочил из ельника, я мгновенно сбросил рукавицу и выстрелил в упор и промазал, но успел вторым выстрелом срезать его уже в ельнике. На мой крик: «Готов!» — охотники ответили дружным, громким и радостным рёвом. У отца же, оказалось, были свои соображения о причинах долгой охоты, он, вручая мне «орден спасителя отечества» в виде еловой ветки, шепнул: «Проверь!» Подозрение подтвердилось: совсем недалеко я нашёл костёр с порядочным количеством нагоревших углей. Это редактор и Лёва спасались от мороза! Наблюдательность отца была изумительной.

Получив трофей, редактор сказал: «Да, Михаил Михайлович, я убедился, что ваш рассказ „Смертный пробег“ правдив, тем более что для меня эта охота чуть не оказалась «смертной».

И не мудрено, мы весь день провели на сильном морозе, пройдя по снегу более тридцати вёрст. Когда возвращались, редактор стал отставать, и нам приходилось его дожидаться. Случалось не раз мне зимой пропадать в лесу, видел цыган мороза! И даже теперь, когда в сумерках гляну на серую полосу зимнего леса, становится не по себе.

с. 99 По окончании зимней охоты (примерно в январе) для нас начинался «глухой» сезон. Отец отдавался литературной работе, занимался также фотографированием, начатым ещё до революции. И меня он втягивал в это дело. Хорошо помню мой самый удачный снимок: отец с Яриком в окне с резными наличниками нашего дома в Костино.

Отец очень любил охоту по вальдшнепам. Описана она С. Аксаковым, И. Тургеневым, Л. Толстым и другими. Охота прекрасная, увлекательная, спортивная — с наименьшим уроном для птиц (летают — тянут — самцы, охотник должен обладать острым зрением, большим опытом и умением в стрельбе). И время её — весна, период половодья, в Подмоскowie — примерно с десятого апреля по май, когда лист на берёзах уже с копейку. Время суток — вечер, примерно с 19 часов до появления первой звезды — около 21 часа, лучше всего, если вечер будет тихий и тёплый. Безошибочный предвестник хорошей тяги — песня дрозда, если он не поёт — тяги не будет. И вот ещё в Дубровках, где мне удалось найти хорошие места тяги, при возвращении с охоты зашёл разговор о том, что раньше слышится: высокое «цыканье» вальдшнепа или низкое «хорканье»? Отец, отличавшийся острой наблюдательностью (у меня с этим тоже было неплохо), в спорах оказывался прав. Лёва в суждениях об охоте, не имея к ней «родственного внимания», не имел решающего голоса. Но тут Лёва решительно поддержал меня: первым слышится свист вальдшнепа — «цыканье». Отец вскипел и заявил, что Лёвка в этих делах ничего не понимает, а Петька упрям, как осел, что он слышит «хорканье» шагов за двести, а «цыканье» — над самой головой. Мыгнули свою линию...

За ужином неуспокоившийся отец опять вернулся к нашему спору в надежде, что его поддержит мать. И страшно был удивлён, когда она спокойно сказала: «По-моему, дети правы». Отец замолчал и глубоко задумался. Много позднее мне удалось доказать ему, что он не слышит звуки определённой тональности или слышит их только на близком расстоянии.

По окончании тяги вальдшнепов и тетеревиных токов весенняя охота заканчивалась, у отца опять начиналась пора усиленной литературной работы и продолжалась до лета — до созревания земляники. В эту пору подрастал молодняк у тетеревов, глухарей, дупелей, бекасов, наступало самое лучшее время для натаски собак, чем отец страстно увлекался вплоть до открытия охоты.

До революции у отца были две собаки по дичи — Нептун и Понтик и гончая Флейта, отец приучил её работать по тетеревам. И вот теперь у нас появился чистокровный ирландский сеттер Ярик. Отец стал с увлечением работать с ним вначале на болоте, а потом по тетеревам. Чутьё и поиск у Ярика были прекрасные. Мне в это время доставалось больше, чем Ярику. Я носился за собакой по болоту и при стойке «пришпиливал» её на привязанную к ошейнику верёвку, на конце которой была петля — в неё я и втыкал колышек, не давая бежать за птицей. В июле мы приучили Ярика к выстрелам. При стойке по бекасу я держал верёвку, чтобы Ярик не сорвал стойку, а отец стрелял по взлетевшей птице.

с. 100 Всё шло хорошо, и собака к концу месяца уже работала без парфорса и верёвки. Приближалась любимая охота отца по тетеревиным выводкам, и он не выдержал охотничьего правила натаскивать ирландских сеттеров (очень горячих собак) по третьему полю. Ярику ещё не было и двух лет, а мы стали натаскивать его по тетеревам. Вначале всё шло благополучно: Ярик делал стойки и не срывал их. Уверившись в нём, отец решил стрелять по тетереву. При выстреле (меня с ним не было, пишу с его слов) Ярик сорвался со стойки и бросился за взлетевшими птицами, не слушая приказов. Когда же собака вернулась виновато, разгорячённый отец основательно наказал её плёткой. Ярик вырвался и скрылся в кустах, на свист и на зов не вернулся. Лишь к вечеру он пришёл домой. В дальнейшем Ярик часто срывался со стойки, и охота с ним по тетереву стала невозможной. По болотной же птице он по-прежнему работал прекрасно, но отец уже разочаровался в нём...

Став известным и признанным знатоком природы и охоты, Михаил Михайлович вместе со славой приобрёл новые беспокойства. К нему зачастили охотники, любители отдыха на природе, просто желающие посмотреть, каков есть писатель Пришвин в натуре. Отец чаще всего принимал их за чаем: в этой обстановке, беседуя, можно понять, что представляет собой гость. Некоторых он приглашал на охоту.

Один из приглашённых был молодой, невысокий, но крепко сбитый, с длинными волосами по плечам, с трубкой во рту, обвешанный охотничьим снаряжением. Он похож был на поэта

или художника, сильно напирал при разговоре на «о» и подчёркивал своё социальное происхождение — сын извозчика. До сих пор не знаю, кем он был и чем привлёк отца, что удостоился быть приглашённым на охоту.

Пошли мы вёрст за восемь в сторону огромного торфяного болота Воргаш. Поблизости от него не было никаких селений, сторожек, словом, настоящая глухомань. Возле болота спустились Соловья, разъяснили гостю характер местности, правила охоты и пошли краем болота.

Очень скоро Соловей погнался за зверем. По быстроте гона и азарту мы определили, что это лиса, и с осторожностью стали её подстаивать. Лиса оказалась местной и ходила на малых кругах в густом ельнике. Судьба её была решена: зверь устал, круги становились всё меньше. Шёл уже второй час гона. Я видел лису дважды, но далековато, она вот-вот должна была попасть под выстрел. И вдруг раздаётся отчаянный человеческий крик в самом центре гона. Лиса шарахнулась по прямой, и гон вышел из слуха. Видно, случилось что-то ужасное: человек кричал, звал на помощь... Охота была испорчена, я бросился к нему. Оказалось, что отец опередил меня и первым пришёл «помочь гибнущему», я услышал только конец его язвительной фразы: «...а ещё хвалился, что извозчик!» Гость выглядел щенком, который напачкал на полу и его потрепали за шиворот, осанистость и поэтичность его вида как в воду канули.

«Иди выручай Соловья, — сказал мне отец, — я пойду домой». Гость медленно тронулся за отцом.

Лиса занорилась, я извлёк Соловья из норы поздно вечером и только глубокой ночью вернулся домой. Днём я узнал от отца, что наш гость вовсе не охотник, вообще мало бывавший в лесу человек. Когда мы разошлись подстаивать, его стало угнетать одиночество, страх потеряться, он бросился разыскивать нас, запутался, растерялся окончательно и в ужасе стал вопить о помощи. Отец оказал ему такую «помощь», что он забыл у нас часть своих охотничьих доспехов.

Последние месяцы жизни в Талдомском районе отец как бы прощался с полюбившимися местами наших охот. На десятки вёрст леса и болота были нами искожены, избеганы с гончими, и всем островам, низинам дали мы свои названия: есть у нас «Ясная поляна» с тремя высокими елями, под которыми всегда зайцы проходят, есть сухое местечко между двумя большими болотами — «Передышка», есть «Золотая луговина», а вёрст за восемь от нашего дома среди почти непроходимых болот высится далеко видимый бор, который местные люди звали «Вихорёк», а мы — «Алаунская возвышенность». Последний наш поход на глухариный ток описан отцом почти с документальной точностью, и добавить мне нечего (см. М. М. Пришвин. Собрание сочинений. 1967, т. 3, с. 12).

Возвращение домой было очень тяжёлым. Сильно потеплело, наст не держал, а следовало пройти по снегу десять вёрст. Лёва всё время отставал, хотя и шёл по нашему следу. И не удивительно: мы за двенадцать часов отмахали не менее тридцати вёрст!

Эта глухариная охота была прощальной, мы расставались с природой и жителями Талдомского района. Отец так загорелся переехать в Переславль-Залесский, что ни на минуту не хотел отложить отъезд туда. Нам с Лёвой оставался примерно месяц до сдачи экзаменов (ему — за девятилетку, мне — за семилетку), на это время мы остались в Костино.

Сдав благополучно экзамены, двинулись налегке к родителям: по железной дороге до станции Берендеево, а оттуда отмахали вёрст восемнадцать пешком до Переславля и прибыли к самим Берендею и Берендеевне — в Ботик.

Места для охоты вокруг Плещеева озера были замечательные. От устья реки Вёксы, вытекающей из озера, на север и восток протянулись огромные торфяные болота, почти непроходимые (будущая «Кладовая солнца»). Торфяные разработки тогда только ещё начинались, и водилась в этих местах масса боровой птицы: глухари, тетерева, белая куропатка (на полях — серая). Во время весеннего и осеннего пролётов останавливались на отдых многочисленные стаи водоплавающей дичи, начиная с лебедей и гусей и кончая разными видами уток (гагары, большая и малая поганки, чернедь, гоголь, свиязь, кряква, шилохвость, чирки — свистунок и трескунок). Другую птицу невозможно перечислить, настоящий рай для любителей природы!

За две недели я разыскал несколько глухариных и тетеревиных токов. Отец из очередной поездки в Москву привёз с собой заядлого глухарятника писателя А. Яковлева. В моём представлении он не был похож на писателя: невысокий, угрюмый и молчаливый, он гасил мою радость на охоте. Отец поручил его мне, в помощь приставил Лёву. Наняли подводу, нагрузили вещами и продуктами, поехали. План охоты я составил из трое суток, с ночёвкой в лесу: на двух глухариных и одном тетеревином токах, на тяге (на вальдшнепов).

с. 101

До двух часов ночи просидели у костра, потом я повёл писателя к центру тока. Слух у меня, особенно в молодости, был отличный, и я первым услышал песню глухаря. Тихо спросил у писателя — слышит ли? Тот замотал головой. Я взял его за руку и стал сжимать её тогда, когда можно было «скакать» к глухарю под его песню, но вот и он сжал мою руку — я понял, что он услышал, и оставил его. Убедившись, что он и сам всё делает правильно, я успокоился: всё будет хорошо. Вскоре грохнул выстрел, за ним — другой, и надо мной в вершинах сосен пронёсся глухарь. Сердце у меня оборвалось: промазал! Показался Яковлев и чуть ли не бегом направился к костру. Лицо у него было бледное, ни кровинки — как у покойника. Ничего не говоря, он пожал нам руки, сел в телегу и уехал.

Погоревав об увезённых продуктах и тёплой одежде, мы с Лёвой всё же решили выполнить план охоты и без писателя. Провели в лесу двое суток, взяли двух глухарей, трёх тетеревов, четырёх вальдшнепов и еле-еле дотянули до дома. Там ждали нас встревоженные родители. Отец рассказал, что Яковлев явился очень расстроенным и, даже не попив чаю, уехал в Москву. Нашим объяснениям отец не верил и остался при своём убеждении, что мы чем-то обидели гостя. Всё разъяснилось позже, в Москве, при встрече с Яковлевым. Отец весело смеялся, восхищаясь силой его охотничьей страсти, когда узнал, что тот, промазав по глухарю, не мог больше продолжать охоту — так расстроился!

с. 102

Отцу всё хотелось добыть самому того зверя или птицу, на которых он ещё не охотился. В Переславле он видел косяки гусей и, как кот вокруг сметаны, кружил около них, пытаясь добыть хотя бы одного. Копал я ему ямы в полях, куда летали гуси на кормёжку с Плещеева озера. Но они вели себя очень осторожно: с озера снимались, сразу набирая большую высоту, а перед тем как опуститься делали круги на большой высоте и обнаруживали нашу маскировку. Мы с отцом изучили всю охотничью литературу, где описывалась охота на гусей, но ничего не помогало. Успех пришёл неожиданно: опять сказалась острая наблюдательность отца.

Было это поздней осенью. Ранним утром он отправился к стае гусей, опустившейся ещё с вечера на озимь у Ботика. Взял с собой на привязи легавую собаку Кэт, которую долго дрессировал и добился прекрасной работы. Он страстно полюбил её и очень подробно описал в рассказе «Собачья память». Кэт нужна была для охоты на куропаток, чем он хотел заняться позже.

Отец затаился с собакой у дороги в кустах и наблюдал за гусями. Вдруг затарахтела гружёная телега по замёрзшей земле. Раздосадованный помехой, решив, что охота испорчена, он вышел на дорогу перед лошадьё. Та испугалась, поднялась на дыбы, круто рванула в сторону, и всё — лошадь, телега, груженная дровами, возница — рухнуло под обрыв. Отец в тревоге кинулся на помощь, а навстречу из оврага послышалась ругань... В конце концов после взаимных обвинений, после резкой словесной перепалки заключили мир на таких условиях: отец поможет поставить телегу на колёса, нагрузить дрова, купит их по сходной цене, так как со сломанной оглоблей ехать в город на базар было нельзя.

Когда воз с дровами проезжал мимо спокойно кормящихся гусей, отец вдруг решительно потребовал: «Распрягай лошадь». Оказалось, ему пришла в голову блестящая мысль: коль гуси не испугались грохочущей телеги с лошадьё, то можно на них охотиться под её прикрытием. План созрел моментально и сразу же был осуществлён. Мужик распряг кобылу, повёл её вокруг по озими, постепенно приближаясь к гусям и скрываясь от них за лошадьё. С ним вместе — отец. Решили: если гуси забеспокоятся, то надо остановиться и дать лошади пощипать озимь.

Всё прошло блестяще. Подошли к стае на картечный выстрел, отец с колена сделал по гусям дуплет... Лошадь взвилась на дыбы и унеслась в поле... Охотник побежал подбирать двух оставшихся гусей, а мужик — ловить лошадь. Оба довольные приехали к нам домой, на Ботик, с дровами и гусями и стали пить чай.

Охота была страстью нашей семьи, потому каждый из нас старался не ударить лицом в грязь. Если мы охотились с одной собакой и по одиночным птицам (бекас, дупель, коростель), то тянули жребий, кому стрелять первому. Выигравший стрелял до первого промаха, а другие двое руководили собакой и несли продукты, снаряжение. Если охотились по выводкам тетеревов или куропаток, то в центре шёл отец и стрелял птицу, летевшую прямо на нас, слева шёл я и стрелял «левых» птиц, Лев — «правых». Когда же вылетал один петух (тетёрок мы не стреляли), можно было бить всем — кто быстрее. Тут каждый старался опередить, но выявлялась закономерность: отец и я оказывались одинаково удачливыми, Лёва же постоянно опаздывал и если стрелял, то уже по падающей птице, то есть добавлял. Случались очень часто курьёзы. У нас с отцом оказалась настолько одинаковая быстрота реакции, что мы стре-

ляли одновременно, выстрелы сливались до неразличимости, и каждый приписывал трофей себе. Отец обычно радостно кричал: «Мой!» Тогда я переламывал ружьё, вынимал гильзу, показывал отцу и выдувал дым из ствола для доказательства своего участия.

Когда мы жили в Загорске, отец захотел испытать новую для него охоту — охоту на медведя. Она описана в рассказе «Медведи», сфотографирована специальным корреспондентом «Огонька» Шайхетом (фотография и рассказ напечатаны в 1929 году в № 12 журнала). В этой охоте я не участвовал — сдавал экзамены на охотоведческих курсах, но снаряжение патронов и пристрелка ружья доверены были мне. В этот раз отец взял с собой сравнительно недавно приобретённое ружьё-тройник двадцатого калибра с нарезным стволом 6,5 × 48, которое хранится в Музее писателей-орловцев (г. Орёл). Там же находится охотничий рог, подаренный Михаилу Пришвину писателями-охотниками с выгравированной надписью «Бессмертному автору „Смертного пробега“».

В эти годы охотничья экипировка отца была самой полной. У нас содержались собаки: Ярик, Кэт, Дубец, Нерль, Соловей (гончие) и Осман. Отец стал подбирать себе прикладистое ружьё, так как 24 калибра «зауэр» передал мне, а другие ему не подходили. Так были приобретены и испробованы ружья: «зауэр» 12 калибра (на щёчках гравировка по серебру — птицы и звери), «ремингтон» — тяжёлое ружьё 12 калибра американского производства; двухствольное ружьё бескурковое 12 калибра «гейм» подарил отцу представитель немецкой фирмы.

Тогда же отец стал увлекаться спортивной стрельбой в цель из нарезного оружия и перебрал его порядочное количество. Первой была шомпольная винтовочка малого калибра «Сибирячка». Пульки откусывались от свинцового прутика и загонялись в ствол железным шомполом. Послужила нам она немалое время. На смену ей пришла малокалиберная винтовочка нашего производства (5,6 мм), которая эксплуатировалась нещадно. В стрельбе из неё мы дошли до виртуозности, которая, конечно, нам далась не сразу. Вначале мы стреляли из неё в цель по мишеням, прикрепляя их на доски погребка. Через месяц упражнений крыша погребка, пронизанная пулями, стала похожа на пчелиные соты и наконец под громкие причитания мамы рухнула на землю. Пришлось мне делать новую крышу, так как отец к таким работам никогда не прикасался — не умел. Для стрельбы после этого события был сделан щит и насыпан вал из земли. Мы уже прикрепляли вместо мишени спичечные коробки с фигуркой медвежонка на этикетке, и пули должны были ложиться в медвежонка с 70 метров.

Точность стрельбы прогрессировала, и мы стали выходить в овраг, через который на помойки Загорска летали вороны. Стреляли по ним в лёт и добились того, что в среднем из трёх-четырёх выстрелов сбивали ворону. Но всему есть предел, и наконец винтовочка засвинцевалась и стала бить неточно. До этого случилось радостное происшествие. Взяв с собой на всякий случай винтовочку, отец пошёл на прогулку рано утром. Недалеко от Загорска на поле услышал токующего тетерева и стал его обкладывать. Но тетерев близко не подпустил, взлетел, отец машинально навскидку щёлкнул из мелкокалиберки, как из ружья, и петух упал. Радости не было конца.

Папа настолько уверился в своей стрельбе из мелкокалиберной винтовочки, что возгорел желанием без стендовой тренировки попытаться сдать норму на значок «Ворошиловский стрелок». Приехали мы с ним в Москву и на стенде попросили допустить нас к сдаче норм. Тренер расспросил нас и посоветовал плотно пообедать. По его мнению, у сытого нервы успокаиваются и стрельба бывает лучше. Мы показали очень хорошую стрельбу, чему тренер здорово удивился.

После этого отец приобрёл другую мелкокалиберную винтовочку немецкой фирмы «Грельфельд» с обоймочкой в пять патронов, позднее к ней был приделан телескопический прицел и стрельба из неё стала исключительно точной. Общим недостатком этих мелкокалиберных винтовочек была их недостаточная убойность. Птица падала только тогда, когда пуля задевала кость, а простреленная насквозь по мякоти улетала и потом падала мёртвой, пропадая бесцельно. У нас появилась американская «саведж». У неё калибр был тот же, что и у мелкокалиберной, но патрон крупный — центрального боя, с длинной полуоболочечной пулей, дробившейся на множество осколков. Затем была куплена винтовка более крупного калибра фирмы «Грельфельд» (немецкая) с телескопическим прицелом. Следующее приобретение — это карабин немецкой фирмы «Манлихер», пятизарядный, с телескопическим прицелом. Карабин долго служил нам с папой верную службу, а потом перешёл ко мне и был незаменимым оружием для стрельбы на большие дистанции по крупному зверю. Я достиг в стрельбе из него настоящей виртуозности, конечно, после большой практики.

Постепенно папа так увлёкся оружием, что стал даже коллекционировать. Первым приобретением были дуэльные пистолеты «лепаж» (шомпольные). Они были уложены в специальный ящичек из красного дерева со всеми принадлежностями вплоть до пулелейки, пороховницы, отвёрток, шомполов и прочего.

Вскоре кто-то принёс отцу ящик с ружьями из красного дерева, до сих пор нами не виданными. Папа выложил тут же за него деньги, а владелец, не назвав своего имени, быстро ушёл. Позднее специалисты по ружейному делу установили следующее. Ружьё шомпольное 16 калибра с двумя стволами из дамасской стали. Правый ствол нарезной с четырьмя нарезами под тяжёлую свинцовую пулю, левый — гладкий. Ложе, щёки и курки с серебряным чернением, изображающим крупных охотничьих зверей (медведь, лев, рысь, пантера и другие). Надпись серебром на ложе «№ 2». На затылочной стороне между курками золотая пластина с изображением царской короны и инициалов: «М. Р.». В остальном — ложа с резьбой по дереву. Выпущено было таких только два ружья в мире для царя Николая и его брата Михаила Романова. Это ружьё принадлежало Михаилу Романову и поэтому значилось под номером два. Эксплуатировали мы это ружьё нещадно, оно не требовало заряжения патронов, а в наборе были все инструменты, включая пороховницу и пулелейку. Било оно очень хорошо, но весило порядочно. Ружьё это по сей день хранится у меня как память об отце.

Припоминается случай с отцом в 1929 году, когда мы жили всей семьёй в деревне Переславичи, что в сорока километрах от Загорска, в сенном сарае, натаскивали собак и охотились. Отец в маленькой лодке-долблёнке остался на плёсе у куста с кочкой, а я пошёл краем болота по реке Сулоть. Вскоре с реки снялись две утки, и я их сбил дуплетом. Собравшись достать уток вплавь, услышал выстрелы отца, сразу же — крик: «Петька, спасай!» Когда я подбежал, то увидел: его голова, увитая водорослями, едва возвышалась над водой, метрах в десяти блесло днище лодки и плавало весло. Я бросился в воду и поплыл к лодке, до которой было метров сорок. Почти сразу же меня обвили водоросли, попытался встать — тонул в иле. Тогда решил поднырнуть под водоросли, плыть под водой, поднимаясь лишь изредка, чтобы вдохнуть свежего воздуха. Так и добрался до лодки, вычерпал веслом воду, вывез отца.

Случилось следующее: когда пролетала стая уток, он не захотел вылезть из лодки на кочку, а приподнялся, выстрелил — лодка перевернулась... Спас отца куст на кочке, за который сумел он схватиться. Отец взял с меня клятву: не говорить об этом случае Павловне — матери. Когда мы поуспокоились, он вдруг испуганно вскрикнул. Я взглянул на него: он пристально всматривался в меня. Оказалось, сквозь ил у меня по всему телу пробивались капельки крови. Вся кожа, как бритвой, была исполосована телорезом: недаром это растение в народе называется иначе — весьма неприлично.

К вечеру у меня температура прыгнула за 39°. Но моя мать была дочерью колдуньи-знахарки и повивалки. Через час она вернулась из лесу с травами, а спустя ещё полчаса я пил какой-то отвар, а тело мать смазала чем-то маслянистым, ароматным. Боль стала затихать, и я заснул.

Вскоре решением семейного совета меня откомандировали в Переславль-Залесский за нашей лодкой «Ботик». Перегнал я её маршрутом нашей экспедиции: озеро Плещеево, река Вёкса, озеро Сомино, реки Нерль, Кубря до деревни Ведомша, от неё на лошади до реки Берёзовка, далее по реке Сулоть в Заболотское озеро, из него по реке Дубне до села Константинова, около которого мы обычно охотились. Если на Плещеевом озере наша лодка была самой маленькой среди огромных рыбацких, то здесь, на Дубне, она выглядела кораблём... Плавать на ней было потяжелее, чем на утлой долблёнке, зато безопасно, и могло помещаться в ней до четырёх человек. Но недолго пришлось нам блаженствовать: прибрежное население быстро оценило грузоподъёмность нашей лодки, перевозили сено, дрова, даже скот. При этом никто не считал нужным спрашивать разрешения, каждый желающий распоряжался ею по своему усмотрению. Никакие замки с цепями не помогали. Отец не выдержал и велел мне перевезти лодку в сарай и закрыть на замок...

с. 104

Накануне возвращения в Загорск (это происходило обычно недели на две позднее Ивана Постного, кажется, 11 сентября, после пролёта самых жирных птиц — дупелей) я отправился по заданию отца проверить дупелей: закончился ли их пролёт. По ним он часто делал промахи, огорчался, заставлял меня бросать вверх спичечный коробок или пятикопеечную монету, чтобы убедиться в меткости ружья и верности глаза. Как правило, в эти предметы он попадал, затем садился, закуривал «козью ножку» — и охота продолжалась.

В тот раз, проверяя пролёт, я взял трёх дупелей. Наш отъезд, конечно, был отложен. Рано утром следующего дня мы пошли с Кэт и Яриком. У отца Кэт сделала стойку, и я

стал наблюдать, чем всё это кончится. Вылетел дупель, и отец промахнулся... Птица сделала полукруг и приблизилась ко мне на выстрел, вот-вот она скроется в зарослях, но стрелять я не мог: в створе с ней находился отец. Понимая, что я стрелять не стану и упущу дупеля, отец быстро повернулся ко мне спиной и крикнул во всю силу: «Стреляй! Уйдёт!» Приказ я выполнил. К моему ужасу, упал не только дупель, но и отец. Я бросил ружьё и кинулся к нему. Пока я бежал, он успел подняться и сел на кочку.

Закатав штанину, я обнаружил в его правой ноге две дробины: одна, пробив кожу, остановилась у кости, другая ушла в мякоть. Дал отцу ветку ивы, чтобы зажать её в зубах, а сам финским ножом быстро извлёк дробь и затёр ранки листом подорожника. В награду получил: «Молодец, поганец!» К чему только относилась похвала — то ли к тому, что не упустил дупеля, то ли что успешно провёл операцию, то ли что ловко подстрелил собственного отца...

Дупелями не заканчивалась летне-осенняя охота, оставались ещё бекасы, гаршнепы и вальдшнепы, но за ними мы ходили из Загорска километров за пятнадцать.

Вся тяжесть сборов и самого переезда ложилась, конечно, на мать. Загружали подводу всем нашим скарбом, включая заготовленные на зиму клюкву, бруснику, варенье, лекарственные травы и прочее. Мать отправлялась в долгий путь с возчиком, они по очереди правили лошадей: один сидел, а второй шёл пешком. Мы же налегке шли охотой параллельно дороге, встречаясь в условленном месте километров через двадцать для еды и короткого отдыха.

После приезда отец усиленно работал над «Кашеевой цепью» и маленькими охотничьими рассказами. После коротких наездов в Москву он с увлечением ходил со мной охотиться на осеннем пролёте по вальдшнепам. Брали мы с собой Кэт и Ярика и уходили за восемнадцать километров от Загорска в сторону Дерюжина и далее к Бобошину. Привлекательной эта охота была для нас со спортивной стороны: требовала виртуозной стрельбы. Из-под стойки вальдшнеп взлетает почти по вертикали и скрывается в листе осинника. Стрелять в упор бесполезно — прицелься нет времени, много промахов, а если и попадаешь, то птица в пищу непригодна.

И вот отец приступил к разрешению этой проблемы с присущей ему в таких случаях настойчивостью, упорством, энергией и изобретательностью. Вся осень ушла на разработку метода стрельбы, и задача совместными силами была решена. Заряды для этой стрельбы делались разные: в правый ствол вставлялся патрон с половинным зарядом самой мелкой дроби (дунец) — её сильно разбрасывало и дичь не разбивалась. В левый ствол обычный заряд, но тоже с дунцом. Изменился и приём стрельбы. На мишени рисовали силуэт вальдшнепа в натуральную величину. Стреляли в мишень на расстоянии двадцати шагов не целясь, а навскидку, в момент касания ложа к плечу с обоими открытыми глазами. К великому нашему торжеству оказалось, что если выстрел делаешь в момент касания, промахов почти не бывает. Чуть задержал ложе у плеча — верный промах. Второй выстрел (в случае промаха) делали как обычный выстрел навскидку уже по шуму листы в осиннике. Стрельба эта почти по невидимой цели была безопасна для других, так как делалась вверх под углом 45 градусов.

К концу охоты по вальдшнепу начиналась охота с гончей-одиночкой по зайцу и лисице (Флейта, Анчар, Осман, Соловей, Трубач). В начале осенней охоты с гончей мы часто брали с собой и Кэт, чтобы до подъёма зайца или лисицы охотиться по вальдшнепам. Если не брали легавую, то попутно подманивали на пищик рябчиков. Когда начинался добор (собака изредка взлаивает на свежем следу — «жировке»), отец быстро передавал мне Кэт на сворку как ненужную и мешающую при охоте по зайцу: «Петька сумеет и с ней подстаивать зайца».

Один раз, а было это в 1929 году за деревней Глинково, что находится в двух километрах от Загорска, Соловей без «добра» сразу горячо погнался зверя. Папа, как обычно, быстро передал мне Кэт и частой рысью, придерживая левой рукой шляпу, чтобы не слетела с головы, исчез в кустах подстаивать зверя. Вскоре в его стороне раздался частый, нервный дуплет и крик: «Готов!» Прибыв к месту события, я увидел взволнованного отца, красного, с всклокоченными волосами, без шляпы. Он бегал по поляне, заросшей мелкими, но чистыми ёлочками высотой в полметра, пригибал их, разыскивая что-то. Речь его была почти бессвязна: «Понимаешь, Петька... Она ударила меня в ноги... я приставил к боку и сразу ударил из двух... упала и должна быть вот здесь...»

После тщательного осмотра было установлено, что отец в упор промазал по лисе, не срезав ни одного волоска. Он, конечно, отрицал такую возможность, но я ему заявил твёрдо, что лиса жива и здорова, что Соловей гонит её уже на горизонте и что он выстрелом и криками подшумел её и теперь вся охота сорвана. Тогда он схватил у меня Кэт и отправился домой в Загорск.

До вечера я исколесил все лисьи места на расстоянии пятнадцати километров от Загорска и нигде не услышал голоса собаки. Мы были уверены, что Соловей вернётся ночью, но к утру он не появился, и это было уже сигналом бедствия. Папу я послал в милицию и по знакомым охотникам, а сам ушёл проверять все лисьи норы и ближние к месту события деревни: Соловей был очень ретивый кавалер и мог охоту променять на лихую свадьбу. И вот уже к вечеру в глухом лесу мне послышался очень слабый ответ на голос трубы, которой я пользовался с короткими перерывами. Ответ был очень слабый, похожий на взвизгивание и стон. Тут я вспомнил о барсучьих норах и всё понял.

Морда Соловья торчала в глубине норы между двух толстых корней берёзы, обхвативших шею как капканом. Их Соловей перегрыз, но мощная грудь собаки всё равно не проходила. Около двадцати метров он прошёл под землёй, расширяя барсучью нору и преследуя лису, но на выходе лиса пробилась через корни деревьев, а мощный кобель застрял и должен был неминуемо погибнуть у самого выхода на свободу. Глаза, нос и рот собаки были сплошь измазаны глиной, а дёсны кровоточили. Вокруг головы образовался от дыхания иней, как белая шаль. Почти три часа я прокапывался к нему на двухметровую глубину и полностью пережил его состояние.

И надо же, какова сила охотничьей страсти! Когда я выволок его на край норы, он пронюхал лисий след и, убедившись, что лиса ушла, повалился на бок, вывернув из пасти на траву язык и пытаясь слизнуть иней. С обрыва я протащил его вниз к ручью, опустил в воду, и только после этой процедуры он смог ковылять за мной к дому. При нашем появлении радость в доме была безгранична, даже многочисленные псы стали обрехивать нас с Соловьём, виляя хвостами...

Почти такой же случай произошёл с Соловьём позже, уже когда выпал снег и мы весь день в оттепель гоняли лису. Отец промахнулся, и она увела собаку из слуха. Три дня я разыскивал её и наконец нашёл на сеновале в деревне за восемнадцать километров от Загорска. Соловей сильно отбил ноги и не мог подниматься. Пришлось просить хозяина сарая подвезти нас до города. Отца поразила память собаки: два года назад мы здесь провели одну ночь после охоты. Тогда же по горячему следу отец в 1929 году набросал рассказ «Соловей-Топограф», напечатанный много позднее, в 1941 году, в газете «Красная звезда».

После смерти Кэт мы остались без рабочей легавой. Ярик был сослан к родным матери в Смоленскую губернию и там погиб. Нерль, Дубец и Ромка работали неважно и были розданы знакомым как комнатные собаки. Сезон летней охоты приближался... Щенка было поздно брать для натаски, и отец развил бурную деятельность по розыску и покупке готовой рабочей собаки. Наконец после долгих поисков поступило сообщение из Завидовского охотничьего хозяйства, что у егеря есть молодой пойнтер-сучка, начинающая работать. Собачка с неважным сложением (экстерьером) и неблестящей родословной. Но делать было нечего, и отец помчался на пробу собаки. Лада оказалась удивительно понятливой в дрессировке, из неё можно было лепить что угодно, как из воска. Ей доставляло огромное удовольствие исполнять все требования, она буквально «впивалась» в глаза отца, стараясь понять требуемое, и если это получалось, она бурно высказывала свою радость, старалась лизнуть папу в лицо. Хозяин и собака были страшно довольны.

с. 106

Когда она делала какую-нибудь ошибку, сразу же следовало приказание лежать. Отец отходил от неё, срывал высокую травинку. Лада на прижатых к земле передних ногах и на прямых задних начинала приближаться к нему. От этого получалось кувырканье, очень похожее на бег кролика или зайца. Затем, распластавшись по земле, она принимала наказание — удар травинкой по брылям (губам), а отец жалким голосом произносил: «Что ты сделала?»

Лада обладала очень сильным чутьём и притом «верхним» (охотничий термин). Это значит, что собака не копается в многочисленных набродах птиц, а берёт верхом против ветра самый сильный запах, где сидит птица. Такая работа оценивается высшим баллом всеми охотниками. Словом, Лада получила высшие оценки по всем статьям, кроме сложения (экстерьера), была принята в нашу семью полноправным членом и другом. И надо же было через несколько лет прекрасной работы случиться такому казусу.

Как-то на собрании охотников стали говорить отцу, что ему не к лицу держать собаку-замухрышку, а следует приобрести чистокровного, с богатой родословной пойнтера, такие собаки работают горячо, неудержимо, их работой не налюбуешься. Они так разожгли отца, что тот стал искать в питомниках и на выставках кровного пойнтера. В конце концов такая собака нашлась. Отец отвалил за него очень крупную сумму, и матери пришлось долгое время экономить в еде, чтобы восстановить убыток. Но пойнтер действительно был прекрасен: идеального

сложения, в чёрной, как смоль, рубашке, из-под тонкой кожи выпирала буграми крепкая мускулатура. Комнатную дрессировку он выполнял идеально. Поиск был также идеальный — широким челноком на большой скорости. Папа был в восторге и ожидал летнего охотничьего сезона.

Естественно, Лада сразу же потускнела и была подарена писателю Новикову-Прибою, который в тот момент не имел собаки. Я с тяжёлым сердцем просил отца оставить Ладу мне, но он был неумолим. В течение двух недель Лада мучила новых хозяев жалобным воем по ночам. Алексей Силыч уехал с дачи в Москву, так как невозможно было работать. Отцу я не стал об этом рассказывать, чтобы не раздражать его, а сам тосковал.

К открытию летней охоты мы, загруженные до предела, в темноте раннего утра пошли за сорок километров в сторону Малинников, Шарапова, Охотино. Пристроились в хуторке, где жили древние старик со старушкой, всё их имущество состояло из полуразвалившейся хибарки, коровы и десятка кур. Поросянок пребывал прямо в избушке за жиденькой перегородочкой, через которую часто перепрыгивал и располагался на соломе у нас в ногах, мирно похрюкивая.

Десять дней провели мы в этих «комфортабельных» условиях, и ни разу отец не пожаловался на неудобство. Начали проверку полевых качеств чёрного пойнтера, ходили утром и вечером. Он работал неумолимо, но, удивительное дело, всё время впустую. Иногда делал с ходу мёртвую картинную стойку, а когда из-под самой морды вылетала маленькая птичка, прыгал и щёлкал зубами, стараясь её поймать. Чаще же стойка была пустая. Отец в такие моменты приказывал ему идти вперёд, даже подталкивал коленкой, но ничто не помогало, собака не двигалась.

Однажды ранним росистым утром я взял чёрного на сворку и стал искать выводок тетеревов. Наконец из-под самой его морды с квохтаньем взорвалась тетёрка. Пойнтер лихо помчался за ней с лаем, по пути спугнув крупный выводок. Мы с отцом сделали по лихому дуплету в разлетевшихся тетеревах и, бросив ружья в траву, безудержно захохотали.

У отца даже слёзы выступили на глазах от смеха, и он приговаривал: «Ну и дурак же, ну и дурак же он!» Потом сел на пенёк, закурил «козью ножку» и всё повторял: «Ну и дела, ну и дела!..» Эти два дуплета были как бы похоронным салютом мечте о прекрасном чёрном пойнтере с богатой родословной!

Мы вернулись в избу, собрались и двинулись обратно домой. Обоим было ясно, что собака бесчутая и к охоте непригодна. Папа тяжело переживал неудачу, потерю летнего сезона. Ночью ворочался и даже стонал во сне.

За утренним чаем обсуждали план возвращения Лады. И вот я сижу у Алексея Силыча на втором этаже новой его дачи за столом и веду разговор о возврате Лады... Писатель очень внимательно слушает меня, и я всё время ощущаю пристальный взгляд его серых небольших глаз. Длинные хохлацкие усы как бы охватывают блюдце с чаем.

Помолчав некоторое время, он вытер большим платком усы, крикнул и сказал: «Хотя подарки обратно не возвращаются, но сделаем исключение. Лада очень хорошая собака».

Встреча отца с Ладой была бурной и радостной. Лада до самой смерти оставалась у нас и была прекрасной рабочей собакой по всем видам дичи.

В 1929 году осенью я окончил охотоведческие курсы Всеохотсоюза и по направлению уехал работать в Западную Сибирь в город Бийск на должность охотоведа-практиканта.